

Вера и милосердие.

Лютеранская диакония в России на примере служения Г.Г. фон Дикгофа

Сразу оговорюсь, что я не являюсь в полной мере специалистом как по социальному служению и его истории, так и по истории нашей Евангелическо-Лютеранской Церкви России. Соответственно, буду признателен за критику и любые конструктивные замечания и уточнения. Однако даже неспециалисту, лишь слегка прикоснувшемуся к теме социального служения лютеранской Церкви в России, сразу становится очевиден ее масштаб. При этом на фоне постоянных усилий, которые прилагали практически все пасторы и церковные общины в области помощи нуждающимся, все-таки выделяется несколько особенно значительных фигур. Я кратко упомяну о некоторых из них, причем тех, кто мало представлен на данной выставке. Но главное внимание я уделю Генриху Генриховичу фон Дикгофу.

Однако прежде необходимо указать на несколько богословских предпосылок социального служения или диаконии в лютеранстве. Оно коренится не только в присущем каждому нормальному человеку сочувствию к нуждающимся и обездоленным и не только в традиционной общехристианской проповеди и практике милосердия. У него есть и особые, именно протестантские, духовные и теологические обоснования. Выделю лишь два, как мне кажется, наиболее важные именно в нашем контексте.

Первое кроется в самом центре лютеранского исповедания – в учении о спасении. Спасительной реальностью, согласно Мартину Лютеру, является Слово обетования, звучащее в евангельской вести о смерти и Воскресении Иисуса Христа. Это Слово мы встречаем в устной проповеди, в печатных текстах соответствующего содержания, но в первую очередь, конечно, в Священном Писании. Поэтому от христианина ожидается способность не только слушать богослужебную проповедь, но и способность к восприятию письменных текстов, - особенно, повторимся, Библии. Поэтому крайне важным становится обучение грамоте и школьное образование вообще. Забота о радикальном улучшении и доступности школьного образования была одной из важных забот Мартина Лютера. У меня вообще складывается впечатление, что Лютер не слишком сильно различал образование и провозвестие, педагогическую деятельность и проповедь. Для него они сливались воедино. Образование имело для него и для

многих его последователей сoterиологическое значение, то есть имело непосредственное отношение к спасению.

Второе основание находится в этике лютеранства. Если спасение дается нам об Бога независимо от наших сил и стараний, то мотивом для совершения добра не может больше быть стремление заслужить какую-то награду от Бога или даже способствовать росту своей собственного совершенства. Главным этическим мотивом для Лютера становится не «поступить правильно» (деонтологический подход), а помочь ближнему в его нужде (утилитаристский подход). Соответственно нужно заботиться не столько о некой реальной или вымышленной «духовности», «благочестивости» такой помощи, а о ее максимальной практической эффективности. Более того: в контексте своего учения о двух Царствах великий Реформатор утверждает, что каждый христианин, честно выполняющий свой долг перед обществом, перед другими людьми, тем самым в своей профессиональной деятельности служит Богу. В этом смысле труд дворника ничем не отличается, например, от пасторского служения. Всякий честный труд – это богослужение, поскольку он помогает другим людям, служит сохранению порядка и преумножению общественного блага.

К этому мы еще вернемся, теперь же вспомним о первом названном нами принципе: образовании. После сказанного о его значении не вызывает никакого удивления, что и лютеранская Церковь в России с самого начала своего существования особое внимание обращает на вопрос образования.

Высказывались предположения, что лютеранская школа существовала уже при первой лютеранской церкви в Москве, построенной еще в эпоху Реформации в 1576 г. Точно известно во всяком случае, что во второй половине 17 в. В Москве действовали уже две лютеранские школы. Известность в начале 18 в. Получает всеобщая и первая в России гимназия, основанная пастором Иоганном Эрнестом Глюком (1652–1705), которая, к сожалению, ненадолго смогла пережить своего создателя. 19 в. становится эпохой расцвета лютеранских школ в России. В Санкт-Петербурге, Москве, других городах школы, основанные при лютеранских общинах пользуются огромной популярностью. Богатые горожане, даже не принадлежащие к протестантам, охотно отдают в них своих детей, поскольку доверяют качеству осуществляемого в них преподавания.

Это несомненный успех. Отчасти на его фоне некоторые из деятелей российского лютеранства в 19 в. обращают свое внимание и на тех, для кого

общее образование оказывается недоступным в силу особых обстоятельств, т. е. в первую очередь на детей с ограниченными возможностями.

Первым я упомяну здесь Константина Карловича Грота (1815–1897). Он был внуком пастора Иоахима Кристиана Грота (1733–1799), крупного деятеля эпохи Просвещения и пастора церкви св. Екатерины в Петербурге, где я сегодня служу. К слову, именно пастор Грот первым в России предложил создать систему социального страхования нищих. Константин Карлович пошел не по пути своих предков. Он не стал пастором, а посвятил себя общественному и политическому служению. Он смог достичь высших государственных постов в Российской Империи. В 1853 г. он становится губернатором Самары, а в 1861 г. он возглавляет Акцизный комитет в департаменте Министерства финансов. Затем он занимается в правительстве вопросами народного образования, сельского хозяйства и государственного управления. Последние 12 лет его жизни занимает организация помощи слепым. Князь Денис Оболенский в письме в редакцию журнала "Слепец" в 1906 году писал: "К. К. Грота по справедливости можно назвать духовным отцом слепых. Он призывал их к новой жизни, освободил из уз невежества и направил к разумному труду, послужившему залогом для их свободной самостоятельной жизни". Среди прочего в 1881 он открывает в Петербурге училище для слепых мальчиков. Это училище, постепенно развиваясь, стало методическим центром для подготовки учителей для училищ слепых по всей стране. Именно по поручению Грота, ряд российских педагогов, опираясь на опыт Германии, разработали по-прежнему актуальную русскую версию алфавита Брайля. Памятник Гроту после его смерти был сооружен на средства, собранные по подписке среди незрячих по всей России.

Еще одной личностью, которую стоит упомянуть в данном контексте Карла Фридриха Вильгельма фон Коссмана (1826-1898). В своей церковной деятельности он сочетал разные формы помощи нуждающимся с активной вовлеченностью в педагогическую деятельность. Местом его служения были в первую очередь Саратов и Москва. Несколько месяцев он провел, интенсивно занимаясь организацией жизни лютеранских колонистов разных национальностей в Сибири. В Саратове он интенсивно работал над реформой школьного образования и сам преподавал религиозные дисциплины уже будучи в преклонном возрасте и тяжело больным, часто отказываясь от соответствующего вознаграждения. Во время голода 1880-х гг. он был одним из главных организаторов помощи пострадавшим. Но еще до этого, служа в Москве, в 60-е гг. он активно сотрудничал с пастором Дикгофом в его помощи

детям с ограниченными возможностями. И здесь мы, собственно, переходим к нашему главному герою.

Генрих Генрихович фон Дикгоф родился в Полтаве в 1833 г. в семье лютеранского пастора Карла Генриха Вильгельма фон Дикгофа. Как и большинство российских пасторов того времени свое богословское образование он получил на Теологическом факультета Дерптского университета (сегодня это Тарту). В 1858 он рукоположен и становится помощником своего отца, который служит теперь старшим пастором московской церкви свв. Петра и Павла. Затем он занимает его должность обер-пастора.

С самого начала своего служения он проявляет интерес к социальному его аспекту, особенно к вопросам помощи детям с ограниченными возможностями. С целью узнать о том, как подобная помощь организована в других странах, прежде всего в Германии и Австрии он совершает многочисленные зарубежные поездки. Сообщается, что в одной из таких поездок он встречается с императрицей Марией Александровной и рассказывает ей о своих задумках. В ее лице он находит благодарного и заинтересованного слушателя. Поэтому после возвращения в Москву, 19 июля 1871 года Дикгоф направляет императрице подробную докладную записку, в которой излагает проект организации специального обучения в России. Параллельно Дикгоф издает две небольшие брошюры: «О глухонемоте» и «О воспитании и обучении слепых детей», в которых он знакомит читателей с европейским опытом помощи детям с нарушениями слуха и зрения.

Однако невзирая на самую высокую поддержку переход к практическим действиям оказывается не совсем гладким. В 1874 г. учреждается Совет Попечителей, который должен заняться вопросами организации школы для слепых детей. Однако Министерство внутренних дел ставит перед его участниками ряд условий: необходимо найти подходящее помещение и собрать значительный капитал (20 тыс. рублей), причем сделать это нужно в довольно ограниченные сроки. Так проект впервые оказывается под угрозой. Отсрочки удалось добиться лишь благодаря вмешательству московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукова.

Собрать необходимые средства, выполнить все условия и открыть школу удается только в 1883 г. Она располагалась на арендованном первом этаже дома на углу Соколовского (ныне Электрического) и Малого Тишинского переулков. Это помещение состояло из 11 комнат, в которых были размещены классы, спальни, мастерские и комнаты для учителей, воспитателей и прислуги.

В учебное заведение принимаются дети из различных сословий и принадлежащие к разным вероисповеданиям. Сперва там было по разным данным от 16 до 20 учеников, но за тридцать лет, ее окончило уже 114 человек, подавляющее большинство из которых были трудоустроены. В 1888 г. школа уже располагалась в собственном доме на 2-й Мещанской улице (ныне улица Гиляровского, дом 6), на приобретение, капитальный ремонт и реконструкцию которого было израсходовано 84,5 тыс. руб. В этом двухэтажном доме разместились не только учебные классы, спальни и мастерские, но и музыкальная комната, канцелярия, приемная врача и палаты для больных. В 1911 г. для школы было построено новое здание на 1-й Мещанской ул. (ныне Проспект Мира, дом 13). Сооружение нового здания и покупка земли обошлись в 320 тыс. руб., которые были получены благодаря пожертвованиям.

Помимо общеобразовательных предметов особое внимание в преподавании уделяется музыке и ремеслам. Официально заявленной целью школы являлось: «Подготовка слепых к самостоятельной жизни в качестве полезных для себя и других тружеников, достаточно развитых в физическом, нравственном и умственном отношениях». И вот здесь появляется еще один камень преткновения, на который очень хотелось бы обратить внимание. Инициатива Дикгофа часто наталкивалась на непонимание и даже на отрицание самой идеи подобной помощи слепым. Многие московские чиновники считали, что создание такого учебного заведения только повредит слепым детям, которые смогут ближе соприкоснуться с окружающим миром, лучше узнать его, и при этом только сильнее будут воспринимать свою ущербность. Поэтому, как считали многие в тогдашнем российском обществе, будет лучше оставить их «в первоначальном положении, хотя бы и в тягость самим себе и обществу». Именно такая позиция отчасти и послужила причиной того, что Дикгофу поначалу крайне непросто было собрать средства на открытие школы. Сегодня это может показаться удивительным, но такая позиция, такое отношение к людям с ограниченными возможностями было продиктовано своеобразно понятым милосердием. Люди с инвалидностью, как считалось, должны находиться на иждивении у своих близких или у общества.

Поэтому важно подчеркнуть, насколько иным было мнение Дикгофа. Он исходит именно из лютеранских предпосылок. Когда он заявляет, как я уже цитировал, что целью школы является: «подготовка слепых к самостоятельной жизни в качестве полезных для себя и других тружеников», он показывает, что важным является не только помочь слепым обрести, так сказать, твердую почву под ногами, подготовить их к самостоятельному существованию. Важным было

и то, что они становились *полезными* членами общества и могли не только принимать помощь от других, но и сами помогать другим людям и всему обществу своим трудом, т. е. вести полноценную христианскую жизнь, служа людям и Богу. То, что сегодня такие взгляды кажутся нам почти само собой разумеющимися – во многом заслуга Дикгофа, исходившего в своей деятельности из важнейших протестантских принципов.

Эта деятельность Дикгофа хотя и вызывала поначалу порой непонимание, вскоре оказывается широко признанной и растущие суммы пожертвований наглядно свидетельствуют об этом. В 1908 г. в связи с 50-летием пасторской деятельности, прихожанами было направлено в правительственные инстанции прошение о возведении Генриха Дикгофа в сан епископа Евангелическо-лютеранской церкви. Ходатайство было поддержано Московским генерал-губернатором С.К. Гершельманом, тем не менее председатель Совета министров П.А. Столыпин в прошении отказал. Однако 1910 г. за год до смерти в виде особого исключения Дикгоф был все-таки удостоен звания епископа Евангелическо-лютеранской церкви. Надо подчеркнуть, что в данном случае речь шла именно о почетном, а не об иерархическом титуле епископа, поскольку управление ЕЛЦ России было в то время устроено иначе. Духовное руководство Церкви носило тогда другие титулы. Титул же епископа использовался крайне редко и в ином смысле, чем в православном окружении, что могло вызвать непонимание, в том числе и у Столыпина.

В своем труде Генриху Дикгофу пришлось преодолеть немало преград, сталкиваться с трудностями, но его упорство и стремление служить людям с ограниченными возможностями и всему российскому обществу стали для многих примером. В том числе и для тех, кто сегодня занимается возрождением традиций немецкого церковного и светского социального служения в России. Но это другой – хотя и очень интересный разговор. Открываемая завтра выставка – хороший повод начать его. Тем более, что благодаря таким людям как Генрих Генрихович фон Дикгоф и многим другим основы для движения вперед заложены очень прочные.



ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО



Международный день благотворительности был отмечен открытием двух тематических выставок, праздничным концертом в Лютеранском Петропавловском соборе и благотворительной ярмаркой на территории собора.



На круглом столе «Милосердие в России» с докладами выступили представители религиозных общин России, Департамента национальной политики и межрегиональных связей города Москвы, Департамента здравоохранения города Москвы, волонтерских и общественных организаций. Модератором круглого стола стал член совета Московского регионального отделения ИППО **Игорь Лапшин**.



ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО



разнообразной помощи людям в условиях ограничений, связанных с пандемией, а также обратились к примерам известных благотворителей прошлого, которые могут сегодня воодушевить тех, кто уделяет время и силы бескорыстному служению нуждающимся.

Пастор Антон Тихомиров, ректор Теологической семинарии Евангелическо-Лютеранской церкви (ЕЛЦ), поприветствовал присутствующих от имени Архиепископа Евангелическо-Лютеранской Церкви России. Свое выступление **Тихомиров** посвятил яркому примеру благотворительной деятельности лютеран в дореволюционной России – в частности, речь шла о пасторе, а затем и епископе Евангелическо-Лютеранской Церкви **Генрихе Дикгофе**, который известен как организатор обучения и воспитания детей с нарушениями зрения. Дикгоф ставил задачу не только подготовить к самостоятельной жизни слепых, которых принято было изолировать «для их же блага», но и воспитать их так, чтобы они «могли стать полезными членами общества, служить Богу и ближнему, а не только принимать помощь». Пастор подчеркнул, что **Дикгоф**, как и другие известные благотворители из лютеранской среды, в своей деятельности руководствовался постулатами своего вероисповедания.